

ВЕЛИЧИЕ ПОДВИГА

ИЗ ЦИКЛА ОЧЕРКОВ «НЕЗАБЫТОЕ»

КОГДА я приехал в Ялту, мне не надо было спрашивать у прохожих, где находится этот дом — адрес давно значился в моей записной книжке: Красноармейская улица, 1-а, возле Пионерского парка.

Останавливаюсь у небольшого белого дома. Это здание с мезонином строилось по эскизу его владельца — писателя Николая Зотоновича Бирюкова в 1959 году, и здесь прошли последние семь лет его жизни.

Все та же обстановка, что и при жизни Николая Зотоновича. Прибавились лишь витрины и стелды, иллюстрирующие биографию писателя и основные этапы его творческого пути.

В экспозициях много фотографий. Вот снимок улицы в старинном Орехово-Зуеве. На нем виден трехколонный деревянный дом, где в семье рабочего-текстильщика Бирюкова первого февраля 1912 года родился шестой ребенок — Коля. С фотографии смотрит симпатичный круглолицый, неизменно серьезный юноша. Сначала он школьник, пионер в красном галстуке, затем комсомолец, член бюро Орехово-Зуевского уездного комитета комсомола, потом делегат VIII съезда ВЛКСМ, студент строительного отделения Орехово-Зуевского индустриального техникума...

В десяти километрах от Орехово-Зуева — Дулёво. Здесь находится знаменитый фарфоровый завод. Студенты техникума ездили сюда на практику. Осенью тридцатого года на заводе трудился Николай Бирюков. Там строился новый цех. Однажды случилось непредвиденное — котлован стала заполнять подпочвенная вода. Бирюков, замешавший прораба, озябший, промокший, покинул котлован лишь после ликвидации аварии. Однако сам он вскоре слег. Лечился в орехово-зуевской больнице, потом в Москве. Но как ни старались врачи, поставить на ноги больного так и не удалось. Диагноз гласил: анкилозирующий полиартрит. Страшная болезнь, обрекающая на неподвижность. Ни встать, ни повернуть голову, двигаются только руки, да и те плохо слушаются.

Что же делать, как жить дальше? Еще в школе Николай писал стихи, небольшие очерки в рассказы для стенной газеты. Их охотно читали и даже прочли автору литературное будущее. И вот теперь он снова взялся за перо.

Вскоре Николай Бирюков стал студентом-заочником Литературного института имени Горького. В качестве творческой курсовой работы он послал в институт несколько глав из своей первой повести «На хуторах». После этого произошла взволнованная встреча начинающего писателя с Исааком Эммануиловичем Бабеком. Тот прочитал повесть в рукописи и сказал Бирюкову:

— Вы отлично пишете. Откуда вы так хорошо знаете деревню?

— В годы гражданской войны, спасаясь от голода, наша семья жила на Нижне-Сызранских хуторах Самарской губернии. Там я и увидел все то, о чем сейчас пишу...

В 1939 году повесть «На хуторах» печаталась с продолжением в восьми номерах журнала «Октябрь». Журнал, который тогда редактировал Федор Иванович Панферов, направляет молодого писателя в творческую командировку в Среднюю Азию.

К этой поездке Бирюков обстоятельно готовился. Читал книги по истории, географии, экономике края, изучал узбекский язык.

Раскрываю ферганский дневник писателя и читаю запись от 6 марта 1939 года:

«Кара-Тепе. Пятый день — самый трудный: выехать невозможно. Ветрище срывает крыши. Пыль. Люди не видят друг друга. Но наша комната не пустует. Появилось много новых друзей — «хороших» и «разных». Разговариваю по-узбекски. Успехи в языке, видимо, неплохи — понимаю всех, и меня понимают».

В кишлаке Кара-Тепе, что под Ташлаком, в домике загтохлопа, Бирюков с женой прожил почти весь март. Останавливались они здесь и позднее, в пору разгара строительных работ на Большом Ферганском канале. Его трасса пролегла вблизи Кара-Тепе.

Фотообъектив запечатлел

Николая Зотоновича на каратепинской земле. Писатель разговаривает с колхозниками в поле, возле трактора. Вот он — в гостях у колхозников. На нем белая кофеворотка, в руках пиала. Его окружают хозяева. Некоторые из женщин еще в паранджах с опущенными чачванами. И везде он в коляске. Болезнь лишила Николая Зотоновича способности передвигаться самостоятельно...

Огромные просторы Ферганской долины изнывали от зноя и жажды, ничего не родя, кроме колючки да чахлой травы.

Одна Карадарья не в силах напоить их.

Рядом, за скалистыми горами, бурлит и плещется могучий Нарын, отдавая свои обильные воды Сырдарье. Соединить бы горный Нарын со степной Карадарьей, обречь эти две реки на благо и счастье людей!

Об этом под звуки дутара поет ашулячи.

Песнь ашулячи — это прекрасная поэтическая увертюра к роману о битве за воду, о всемогуществе воли народа и торжестве коллективного труда, о покорении Нарына, о строительстве Большого Ферганского канала.

Лишь в наше время вековая мечта народа стала реальностью: воды Карадарьи и Нарына, соединившись, стремительно бегут по БФК, поят неохватные хлопковые поля, неоглядные сады, виноградники, бахчи.

Вот примечательные строки из романа «Воды Нарына»:

«Вода! Есть ли на свете что-нибудь милее для слуха, глаз и сердца дехканна!.. Вода — кровь Узбекистана. Где есть вода, там жизнь».

В романе «Воды Нарына» многие страницы посвящены кишлаку Кара-Вади. На карте Ферганской долины нет населенного пункта с таким названием. Он создан воображением писателя. Но в нем ясно угадывается вполне реальный Кара-Тепе. Большой Ферганский канал дал ему воду и превратил его в преуспевающий колхоз.

В произведении действуют вымышленные герои. Но образы их сложились у писателя под впечатлением встреч с конкретными людьми в кишлаках, на Ферганском канале. В какой-то степени прототипом Мирзы Раджиби, одного из героев романа, первого комсомольца Кара-Вади, послужил заведующий хозяйством Ферганского обкома комсомола. Чем он привлек Николая Зотоновича? Это был боевой комсомолец — проворный, дельный, остроумный. Он знал много народных легенд, афоризмов, пословиц, поговорок. Некоторые из них вошли в роман.

Когда писатель рисовал образ ашулячи, песнями которого люди заслушивались, ему виделся замечательный узбекский поэт Хамид Алимджан, которого в народе звали певцом счастья. Николай Зотонович хорошо знал его поэзию, а с самим поэтом встречался на БФК и в Ташкенте. Через всю книгу проходит героиня Назира Исламова, талантливый организатор. И у нее был прообраз — секретарь одного из райкомов партии Узбекистана.

Однако писатель ввел в роман и реальных людей. Вот Усман Юсупов, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана, — организатор и душа строительства Большого Ферганского канала. В романе фигурирует известный инженер-ирригатор Иосиф Дмитриевич Лебедев, возглавлявший проектное бюро канала. Он один из авторов уникальнейшего проекта Большого Ферганского канала, аналога которому не существовало в практике мирового ирригационного строительства. Чтобы не задерживать стройку, проектирование и составление рабочих чертежей велось прямо на трассе, одновременно с изысканиями. Канал длиной двести шестьдесят пять километров, от Учкургана до Канибадама, надобно было построить в сорок пять дней, в течение августа и части сентября, до начала уборки урожая. Потому что в это время поля не так нуждаются в людях, и колхозы без ущерба для себя могут выделить достаточное количество рабочих рук строительству.

На стройку БФК вышли сто шестьдесят пять тысяч колхозников Ферганской долины. Строили дружно, быстро, соревнуясь. С любовью Бирюков описывает Дуна Дусматова, славного кетменщика и новатора, раскрывая

в нем прообраз человека коммунистического завтра. Фотография Дусматова тоже висит в музее. Он невелик ростом, но плечист. Черная борода сердечком, длинные, свисающие усы. На голове узорная тибетейка. На снимке ему лет под тридцать пять.

Имя Дуна Дусматова гремело на канале, о нем писали поэты, рассказывало радио, его опыт изучали. Рядом с фотографией, в уголке за стеклом, можно увидеть кетмень, тот самый, которым он ставил рекорды на строительстве БФК и побеждал друзей по соревнованию. Виртуоз кетменного труда, герой стройки колхозник из Нарынского района Дуна Дусматов стал героем романа «Воды Нарына».

Я знаю, что в Доме-музее, в мезонине, живет Анна Ильинична Бирюкова, вдова писателя. В ожидании встречи я вспоминал ее такой, какой видел на БФК: в темном платье с белыми горошинками, тоненькая, коротко стриженная, с искристыми глазами... Послышались тихие шаги, и я сразу же узнал Анну Ильиничну, хотя с того времени, как я ее видел последний раз, минуло сорок с лишним лет. Теперь голова ее серебрилась, под стеклами очков виднелись лучинки морщинок.

Мы прошли в уютную комнату с окнами в сад. При Николае Зотовиче здесь была столовая-гостиная, где он встречался с гостями, беседовал, слушал музыку, играл в шахматы, если оказывался интересным партнер. Он был превосходным шахматистом.

Анна Ильинична вспоминает:

— В Узбекистане мы прожили год. Возвратились в Москву в мае сорокового года. Привезли тридцать две толстые папки с дневниками и черновиками Николая Зотоновича, выборками из книг, газетными вырезками. К этим материалам он обратился, начав писать «Воды Нарына». Вспыхнула война, и работу пришлось приостановить... Стало известно о подвиге Лизы Чайкиной, секретаря Пеновского райкома комсомола Калининской области. Она была помощником командира партизанского отряда, участвовала в боевых операциях. Два с лишним года Николай Зотонович писал роман «Чайка», посвященный Герою Советского Союза Лизе Чайкиной. Книга эта вышла в начале сорок пятого года и была отмечена Государственной премией...

Анна Ильинична умолкла, как бы что-то припоминая, потом продолжала:

— Как только вышла «Чайка», Николай Зотонович вернулся к «Водам Нарына», и в апреле сорок седьмого года роман был закончен. Второй раз, но уже на короткое время, мы поехали в Ташкент. Николай Зотонович хотел, чтобы строители канала, которым посвящена книга, прочитали ее до издания. Мы привезли пять экземпляров рукописи и раздали их. Книгу читали товарищи из ЦК партии Узбекистана, из редакции «Правды Востока», журнала «Звезда Востока». Николай Зотонович с интересом выслушивал все замечания и советы. Говорили, что книга, в общем, удалась, что самое главное в произведении — показ свободного творческого труда. Именно это позволило автору раскрыть мир новых человеческих отношений, показать, как росли люди духовно, становясь патриотами, непримиримыми борцами с остатками феодального рабства. Строительство Большого Ферганского канала изменило не только течение Нарына, но и течение всей жизни на древней ферганской земле.

Я попросил Анну Ильиничну вспомнить что-нибудь еще, связанное с историей «Вод Нарына».

— Как-то в конце сорок седьмого года в нашей московской квартире на Русаковской улице, — рассказала Анна Ильинична, — раздался звонок. В трубке послышался незнакомый мужской голос с акцентом: «Товарища Бирюкова, пожалуйста». Я передала мужу трубку и заметила, как взволновал его этот звонок. Щезли его раскраснелись, глаза заблестели. «Спасибо, Усман Юсупович, — сказал он. — Рад, что роман понравился. Буду работать, чтобы он стал еще лучше...» Это звонил первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Усман Юсупов. Он успел прочесть несколько глав рукописи и, приехав в Москву, решил поздравить автора с успехом. Прощаясь, он сказал: «ЦК партии Узбекистана всегда поможет вам в работе. Не стесняйтесь, обращайтесь, когда нужно. — И добавил: — А пока высылаю маленький подарок...» Вскоре к нам приехал писатель Айбек. Он привез с собой несколько ящиков свежих фруктов.

В ялтинском кабинете писателя большой письменный стол. Но ни одной минуты он за ним не сидел. Здесь лежали рукописи, материалы, книги для работы, газеты, журналы. Писал он рядом, в кровати, опираясь спиной на подушки, или в коляске, в которой его вывозили на балкон или в сад. Он всегда писал от руки, подложив картонку или книжку под четвертушку бумаги. Анна Ильинична перепечатывала написанное на машинке, и только потом писатель вносил поправки. Все перепечатывалось снова, и так много раз. Когда торопился, диктовал, держа перед глазами наброски.

Возле кровати, на черном столике, телефон. Многим был знаком его номер. Звонили друзья, нередко просто незнакомые люди. И Николай Зотонович никому не отказывал, по мере своих сил старался помочь. Иной раз кабинет Бирюкова превращался в своеобразный конференц-зал — здесь проходили заседания бюро Крымской писательской организации, членом которого он был много лет. Шли к нему за советом молодые писатели, но особенно радовали Николая Зотоновича визиты пионеров из Артека.

Январь тысяча девятьсот шестьдесят шестого года был очень тяжелым для писателя. Его болезнь обострилась. Он упорно боролся, продолжал работать. Внезапно Николаю Зотовичу стало плохо, как не бывало никогда прежде. 27 января его увозят в симферопольскую больницу с инфарктом. Когда Анна Ильинична собирала его в больницу, он сказал: «Возьми рукопись «Второго сердца». Как только мне будет получше, я продолжу работу. Только не забудь!..»

В книге «Второе сердце» Бирюков писал о советских ученых-медиках, начавших делать пересадку сердца. Задумав такой роман, он ездил из Ялты в Москву, часы и дни проводил в научно-исследовательских институтах, экспериментальных лабораториях, клиниках. Присутствовал на операциях, участвовал в профессорских обходах...

Николай Зотонович Бирюков скончался первого февраля 1966 года. Он прожил всего пятьдесят четыре года, тридцать пять из них был прикован к постели. И все это время ездил, не терял связи с жизнью, питавшей его творчество. Восемь книг вышли из-под его пера. Прекрасных книг! Лишь девятая — «Второе сердце» — осталась недописанной...

В 1978 году московское издательство «Молодая гвардия» выпустило четырехтомное собрание сочинений Николая Бирюкова. В третьем томе — роман «Воды Нарына». В предисловии к нему, в статье «Жизнь — подвиг», Шариф Рашидович Рашидов отмечает:

«Николай Бирюков поднимал в своем творчестве важнейшие, узловые темы истории и современности. В своих романах и повестях он создал художественные образы, которым хочется подражать. Его герои духовно родственны Павлу Корчагину. И не случайно романы «Сквозь вихри враждебных», «Чайка», «Воды Нарына» стали любимыми книгами нашей молодежи».

Когда-то на заре своей литературной деятельности Бирюков писал о себе:

Родина!
Я — солдат твой и сын.
Слово — оружие,
стоящее тысяч.
И все, что смогу я
из мозга высечь,
Родина!
Клади на свои весы!

Недавно страна торжественно отметила семидесятилетие со дня рождения писателя, патриота, коммуниста Николая Зотоновича Бирюкова. Его талантливые книги вошли в сокровищницу советской литературы. Они, как и вся его подвижническая жизнь, учат жить, трудиться, побеждать.